

Кризис разразился 17 августа 1689 года. Еще в начале лета, пока Голицын воевал на юге, Софья взяла обыкновение ходить пешком на богомолье по церквам и монастырям в окрестностях Москвы. 17-го днем она попросила Шакловитого снарядить стрелецкую охрану, чтобы следующим утром сопровождать ее в Донской монастырь, милях в двух от Кремля. Возле монастыря недавно произошло убийство, поэтому отряд стрельцов, который Шакловитый направил в Кремль, был многочисленнее обычного и лучше вооружен. Продвижение этой вооруженной до зубов колонны по городским улицам не осталось незамеченным. Затем, пока отряд располагался на отдых внутри Кремля, во дворце появилось подметное письмо с предупреждением, что этой самой ночью потешные солдаты Петра из Преображенского нападут на Кремль и попытаются убить царя Ивана и правительницу Софью. Никто не стал разбираться, достоверно ли это письмо; возможно даже, что это была затея Шакловитого. Разумеется, Софья страшно встревожилась. Чтобы ее успокоить, Шакловитый велел закрыть большие кремлевские ворота и вызвал еще стрельцов — усилить гарнизон крепости. Вдоль дороги в Преображенское расставили соглядатаев, которые должны были сообщать о малейших признаках выступления

159

солдат из петровского лагеря в сторону Москвы. В Кремле к набатному колоколу собора привязали длинную веревку, чтобы за нее можно было потянуть прямо из дворца, ведь человека, который побежал бы ударить в набат, могли зарезать подосланные убийцы.

Московский люд глядел, как стягиваются силы стрельцов, с тревогой и опаской. Все помнили кровопролитие семилетней давности, и теперь, как видно, близился новый переворот. Даже стрельцы были беспокойны. Они предполагали, что им прикажут идти на Преображенское, против Нарышкиных, и многим от этого становилось не по себе. В конце концов, Петр был помазан на царство и они присягали защищать его, точно также, впрочем, как царя Ивана и правительницу Софью. Словом, стрельцы окончательно запутались и уже не могли разобраться, кому именно следует хранить верность, а главное — не хотелось оказаться на стороне проигравших.

Между тем новости о каком-то переполохе в Москве не то чтобы встревожили, но взволновали обитателей Преображенского. Вечером один из стольников Петра отправился в город с обычным поручением от царя в Кремль. Однако его появление неверно истолковали возбужденные, взвинченные стрельцы. Узнав, что он прибыл от Петра, они стащили посланца с коня, избили и поволокли во дворец к Шакловитому.

Этот инцидент повлек мгновенные и самые неожиданные последствия. В предшествующие недели старшие и самые опытные из сторонников Петра — его дядя, Лев Нарышкин, и князь Борис Голицын, двоюродный брат Софьиного фаворита, — понимая, что столкновение с Софьей и Шакловитым приближается, потихоньку трудились над тем, чтобы приобрести

осведомителей среди стрельцов. Они сумели привлечь семерых, главным из которых был подполковник Ларион Елизаров, и поручили им докладывать о любом решительном действии Шакловитого. Елизаров насторожился, когда стрель-

160

цов начали стягивать в Кремль, и пристально следил, не появится ли какой-нибудь признак скорого выступления против лагеря Нарышкиных в Преображенском. Узнав, о расправе над Петровым гонцом, он решил, что выступление начинается. Сей же час оседлали двух лошадей, и двое сообщников Елизарова помчались во весь дух предупредить царя.

В Преображенском царило спокойствие, когда вскоре после полуночи двое гонцов ворвались во двор. Петр мирно спал, но слуга, влетевший в комнату, разбудил царя криком, что ему надо спасаться — стрельцы выступили и идут на Преображенское. Петр спрыгнул с постели и прямо в ночной рубашке, босой побежал на конюшню, вскочил на коня и поскакал во временное укрытие в ближней роще, где дождался, пока его приближенные привезли одежду. Быстро одевшись, он снова сел на коня и в сопровождении маленького отряда пустился по дороге в Троицкий монастырь, в шестидесяти восьми милях к северо-востоку от Москвы. Путь занял весь остаток ночи. Когда в шесть утра добрались до места, Петр так обессилел, что даже не мог сам слезть с седла.

Тем, кто видел его тогда, было ясно, что ужас этой ночи не пройдет даром для смертельно перепуганного семнадцатилетнего юноши. Вот уже семь лет Петру время от времени снилась кошмарная охота стрельцов на Нарышкиных, и когда его сорвали с постели известием, что стрельцы и вправду идут за ним, кошмар слился с действительностью. В Троице его уложили в постель, но он был так измучен и возбужден, что расплакался и, сотрясаясь от рыданий, говорил настоятелю, что сестра задумала погубить его и всю его семью извести. Понемногу усталость взяла свое, и он погрузился в глубокий сон. Пока Петр спал, в Троицкий монастырь пожаловали и другие гости. Через два часа явились Наталья и Евдокия, которых тоже подняли ночью и под охраной потешных солдат Петра препроводили из Преображен-

6 Петр Великий, т. 1

161

ского в монастырь. В тот же день из Москвы прибыл в полном составе Сухарев стрелецкий полк, чтобы встать на сторону младшего из царей.

Когда воображаешь эту сцену - Петр опрометью выпрыгивает из постели и бежит куда глаза глядят, может показаться, что решение искать убежища в монастыре он принял в панике. Но все обстояло иначе, и вообще замысел покинуть Преображенское принадлежал не Петру. Выработывая всеобъемлющий план борьбы с Софьей, Лев Нарышкин и Борис Голицын заранее предусмотрели пути отступления для царя и всего Преображенского двора: если положение станет критическим, они все укроются в Троицком монастыре. Таким образом, приезд Петра и быстрый сбор его сил в могучих стенах монастыря-крепости были тщательно подготовлены. Однако Петру об этом плане заранее не рассказывали, и когда его разбудили среди ночи и предложили спасаться бегством, его охватил ужас. Позже история о том, как помазанник Божий был принужден бежать от врагов в ночной рубашке, отягчила обвинения против Софьи. Не ведая о том, Петр сыграл свою роль с блеском.

В действительности же ему вообще не угрожала никакая опасность, потому что стрельцов никто и не думал посылать на Преображенское, и когда вести о бегстве Петра к Троице достигли Кремля, никто не понял, что происходит. Софья получила донесение, выходя с заутрени, и решила, что в поведении Петра кроется нечто угрожающее. «Если бы не мои предосторожности, они бы всех нас поубивали», — сказала она обступившим ее стрельцам. Шакловитый презрительно фыркнул: «Вольно ж ему, взбесясь, бегать»¹.

Однако, оценив сложившуюся ситуацию, Софья не на шутку встревожилась. Она яснее, чем Шакловитый, поняла значение происшедшего. Подстегнутый мнимой опасностью, Петр совершил решительный шаг. Троицкий монастырь был не просто неприступной крепостью.

162

Это была едва ли не главная святыня России, традиционное убежище царской семьи в самые грозные времена. Теперь, если бы приверженцам Петра удалось создать образ царя, укрывшегося у Троицы с целью созвать под свои знамена всех русских против узурпаторши, они получили бы огромный перевес. Было очевидно, что стрельцы откажутся выступить на Троицу, а народ увидит в бегстве Петра доказательство того, что жизни царя и впрямь грозила

опасность. Софья поняла, что при таком положении дел она может потерять все, если не проявит крайней осмотрительности в действиях.

Знаменитый Троице-Сергиев монастырь стоял на дороге, которая ведет из столицы в Ростов Великий и далее в Ярославль. История этой почитаемой и славной обители уходит в XIV век, когда на ее нынешнем месте появилась маленькая деревянная церковь и монастырь, основанный монахом по имени Сергей Радонежский, который благословил русское оружие перед великой Куликовской битвой с татарами. После победы русских монастырь сделался национальной святыней. В XVI веке Троица становится богатой и влиятельной: перед смертью цари и знать в надежде на спасение души часто завещали свои богатства монастырю, так что его сокровищницы ломились от золота, серебра, жемчугов и драгоценных камней. Огромные белые стены от тридцати до пятидесяти футов вышиной и двадцать футов в толщину охватывали монастырь неприступным поясом. С валов и с мощных угловых башен глядели жерла бесчисленных медных пушек. В 1608—1609 годах, во времена Смуты, Троица выдержала осаду тридцатитысячного польского войска, причем пушечные ядра осаждавших попросту отскакивали от массивных монастырских стен.

Укрывшись в этой могучей твердыне, за ее громадными валами, на которых несли службу потешные солдаты и верные стрельцы, Петр со сторонниками гото-

163

вился к ответному удару. Для начала они послали к Софье гонца с вопросом, для чего накануне в Кремле собралось такое множество стрельцов. Это был трудный вопрос. Поскольку обе стороны внешне продолжали соблюдать все правила вежливости, Софья не могла ответить, что она призвала стрельцов потому, что ожидала нападения со стороны своего брата Петра. Ее ответ — что она призвала солдат, дабы те охраняли ее во время паломничества в Донской монастырь, — звучал неубедительно: несколько тысяч вооруженных солдат для эскорта, пожалуй, многовато; так что партия Петра еще тверже уверилась в вероломстве Софьи.

Следующим шагом Петра был приказ полковнику отборного Стремянного полка, Ивану Цыклеру, явиться в Троицу в сопровождении пятидесяти солдат. Софье этот приказ показался зловещим, так как Цыклер был одним из зачинщиков стрелецкого бунта 1682 года, а с тех пор принадлежал к числу самых преданных ей командиров. Если его отпустить, он под пыткой может выдать все, что знает о намерениях Шакловитого разделаться с Нарышкиными, и тогда разрыв с Петром будет необратимым. Но опять-таки у нее не оставалось выбора. Петр был царь, и приказ был царский; неподчинение означало бы открытый вызов. Когда Цыклер явился в Троицу, он и без пыток рассказал все, что знал. Смекнув, что Петр входит в силу, он изъявил желание перейти на его сторону, если царь защитит его особым указом.

С самого начала Софья сознавала слабые стороны своего положения. Если бы дошло до драки, Петр наверняка одолел бы ее, поэтому единственная возможность уцелеть заключалась для нее в примирении. Но если бы ей удалось выманить Петра из Троицы и вернуть в Москву, то он по крайней мере лишился бы защиты священных и могучих монастырских стен. Уж тогда бы она разобралась с его советчиками! А там и самого Петра можно бы отправить восвояси — играть в солдатики и кораблики, — и ее власть была бы восстановлена. С этой

164

целью она послала князя Ивана Троекурова, сын которого был в тесной дружбе с Петром, склонить того к возвращению. Однако миссия Троекурова провалилась. Петр отчетливо понимал преимущества Троицы и отослал Троекурова назад, велел передать, что он более не намерен подчиняться женщине.

Следующий шаг был за Петром. Он собственноручно написал всем стрелецким полковникам и приказал им явиться к Троице с десятком солдат от каждого полка. Когда весть об этом достигла Кремля, Софья молниеносно вмешалась. Она вызвала стрелецких полковников и посоветовала не ввязываться в спор между нею и братом. Услышав же от колебавшихся офицеров, что, мол, приказ получен от самого царя и как можно его послушаться, Софья в гневе вскричала, что всякому, кто осмелится ехать к Троице, отрубят голову. Василий Голицын, все еще в чине главнокомандующего, запретил всем иностранным офицерам покидать Москву под любым предлогом. Вняв угрозам, стрелецкие полковники и офицеры-иностранцы остались в Москве.

На следующий день Петр усилил нажим, прислав царю Ивану и Софье официальное уведомление о том, что он повелел стрелецким полковникам прибыть в Троицу. Он требовал, чтобы Софья как регентша проследила за выполнением его приказов. В ответ Софья отправила в Троицу наставника Ивана и духовника Петра — объяснить, что воины задерживаются, и просить о примирении. Через два дня оба священника возвратились в Москву ни с чем. Тем временем Шакловитый заслал в Троицу шпионов, чтобы понаблюдать, что там делается и разузнать, сколько у Петра приверженцев. Соглядатаи донесли о растущих силах и крепнущей уверенности Петра. Да и в самом деле, на каждой утренней поверке Шакловитый недосчитывался своих людей и, конечно, понимал, что все больше их по ночам дезертирует и устремляется к Троице.

Софья воззвала к патриарху Иоакиму, чтобы тот

165

поехал в монастырь и, используя вес своего сана, постарался добиться примирения с Петром. Патриарх охотно согласился, но сразу же по приезде примкнул к Петру. С этих пор, когда в Троицу из Москвы являлись новые перебежчики, их встречали Петр и Иоаким, царь и патриарх, стоявшие рука об руку.

По мнению Иоакима, его поступок не был предательством. Хотя он подчинялся Софье как регентше, происходил он из боярской семьи, принадлежавшей к противникам ее власти. Сам Иоаким не любил Софью и Голицына за их прозападные склонности и противостоял стремлению Софьи короноваться. Что еще важнее, он ненавидел монаха Сильвестра Медведева за вмешательство в церковные дела, являвшиеся, как утверждал Иоаким, прерогативой патриарха. До нынешнего кризисного момента он поддерживал регентшу не из симпатии, но склоняясь перед ее властью, и то, что теперь он переметнулся в стан ее противников, несомненно свидетельствовало о начавшемся перераспределении власти и политического влияния.

Измена патриарха нанесла Софье тяжелый удар. Его отъезд послужил примером для многих. Но основная масса стрельцов и видных московских горожан оставалась в городе, не зная, как лучше поступить, и надеясь дожидаться каких-нибудь новых подтверждений, что та или другая сторона берет верх.

27 августа Петр сделал следующий ход. Он разослал грозные письма, где повторял требование всем-стрелецким полковникам и урядникам немедленно прибыть в Троицкий монастырь с десятком солдат от каждого полка. Другим приказом вызывались многочисленные представители населения-Москвы. На сей раз всех неподчинившихся ждала смертная казнь. Эти письма, грозившие неотвратимым наказанием, произвели должное впечатление, и стрельцы под началом пятерых полковников беспорядочной толпой тут же повалили выражать покорность царской воле.

166

Софья сидела в Кремле, не в силах остановить непрерывный исход к Троице, и ею овладевало отчаяние. В последней попытке покончить дело миром, она решила сама поехать в монастырь и встретиться с Петром. С Голицыным и Шакловитым, в сопровождении стрельцов, она двинулась к Троице. Но по пути в селе Воздвиженском, ее уже встречал друг Петра, Иван Бутурлин, и отряд солдат с заряженными пищалями. Выстроив людей поперек дороги, Бутурлин приказал регентше остановиться. Он сказал, что Петр не желает ее видеть, запрещает допускать ее в Троицу и велит ей немедленно возвращаться в Москву. Возмущенная этой дерзостью, Софья заявила: «Я все равно поеду к Троице!» — и приказала Бутурлину и его солдатам уйти прочь с дороги. В этот момент подъехал еще один из сторонников Петра, молодой князь Троекуров, с распоряжением царя ни в коем случае не пропускать его сестру, даже если для этого понадобится применить силу.

Подавленная и униженная Софья сдалась. Возвратясь в Кремль перед рассветом 11 сентября, она собрала редущий кружок своих приверженцев. Она была на грани истерики: «Чуть меня не застрелили! В Воздвиженском прискакали на меня многие люди с самопалами и луками. Я насилу ушла и поспела к Москве в пять часов. Затевают Нарышкины с Лопухиными извести царя Иоанна Алексеевича и до моей головы доходит. Соберу полки и буду говорить им сама. Вы послужите нам к Троице не уходите. Я верю в вас! Кому и верить, как не вам, старым? Пожалуй, и вы побежите! Целуйте лучше крес-я! - И Софья каждому протянула крест для

целования. - Теперь, если вы попробуете перебежать, крест вас не пустит. Если из Троицы принесут грамоты, сами не читайте. Несите их во дворец» .

Завладев инициативой, Петр и его советники не собирались ее упускать. Через несколько часов после возвращения Софьи в Москву из Троицы прибыл полковник Иван Нечаев с грамотами к царю Ивану и регент-

167

ше Софье. В них объявлялось о существовании заговора против жизни царя Петра и были поименованы главные заговорщики, Шакловитый и Медведев — предатели, которых следовало на месте арестовать и доставить в Троицу, к Петру на суд.

Грамоты эти, врученные дворцовому подьячему у подножия Красной лестницы, вызвали потрясение, волной прокатившееся по всему дворцу. Чиновники и офицеры, стоявшие за Софью в надежде, что она либо победит, либо добьется компромисса, теперь ясно поняли, что впереди их ждет крах или смерть. Даже стрельцы, которые не совсем потеряли преданность регентше, заворчали, что не станут покрывать предателей и что заговорщиков надо выдать. Софья велела привести полковника Нечаева, доставившего столь некстати царские грамоты, и на него обрушилась вся буря ее ярости. Трясаясь от бешенства, она спросила «Как смел ты взять на себя такое поручение?» Нечаев отвечал, что не решился ослушаться царя. В неистовстве Софья приказала отрубить ему голову. К счастью для Нечаева, в эту минуту не нашлось палача, а потом в суматохе о полковнике забыли.

Софья, одинокая, загнанная в угол, в последний раз попыталась сплотить вокруг себя приверженцев. Выйдя на Красное крыльцо, она обратилась к толпе стрельцов и горожан на площади. Гордо вскинув голову, она бросила вызов Нарышкиным, а затем просила собравшихся не оставлять ее: «Злые люди рассорили меня с братом, подговорили других, подобных злодеев, разгласить о заговоре на жизнь младшего царя и зачинщиком умысла, которого вовсе не было, выставили Федора Леонтьевича Шаклови-того, из зависти к его добрым заслугам, не умея ценить его неусыпных трудов о благе государства. Я сама хотела, для открытия истины, присутствовать при розыске и ездила к Троице; но брат, по наущению злых советников, отверг меня и к себе не допустил: я принуждена была возвратиться со стыдом и срамом. Вам самим хорошо

168

известно, как я более семи лет правила государством; я приняла правление в самое смутное время; заключила славный вечный мир с соседними христианскими государями и в ужас привела врагов святой веры двумя знаменитыми походами. К вам я всегда была милостива, щедро вас награждала; докажите же мне свою преданность: не верьте наветам врагов мира и спокойствия; они хотят погубить не Шакловитого, а меня: они ищут моей собственной головы и жизни моего родного брата!»

Трижды в этот день Софья произносила свою речь, сначала обращаясь к стрельцам, потом к именитым московским гражданам, и наконец к большой толпе, среди которой было несколько офицеров-иностранцев, вызванных из Немецкой слободы. Ее усилия возымели действие. «Это была длинная и славная речь», — сказал Гордон, и казалось, настроение толпы значительно улучшилось. По приказанию сестры царь Иван сошел к народу и угощал бояр, чиновников и стрельцов водкой. Софья была довольна. В порыве великодушия она послала за полковником Нечаевым, простила его и поднесла чарку водки⁴.

Как раз в это время князь Борис Голицын, один из вождей петровской партии в Троице, попытался привлечь на сторону Петра своего двоюродного брата, Василия. Борис отправил гонца с предложением князю Василию приехать в Троицкий монастырь - искать государевой милости. Василий ответил Борису просьбой помочь в посредничестве между сторонами. Борис отказался и вновь предложил Василию прибыть в Троицу, обещая при этом, что Петр примет его благосклонно. Василий благородно отверг предложение, пояснив, что долг велит ему оставаться рядом с Софьей.

Снова настала очередь Петра действовать, и опять он усилил давление на Софью. 14 сентября в Немецкую слободу поступил письменный указ Петра. Он был обращен ко всем генералам, полковникам и другим офицерам, населявшим слободу. В нем вновь утверждалось, что

169

существует заговор, назывались главные заговорщики — Шакловитый и Медведев, а всем

иностранным офицерам предписывалось явиться к Троице верхом и при полном вооружении. Указ поставил воинов-иноземцев перед рискованным выбором. Они нанимались служить правительству, разве в этой путанице разберешь, где оно, законное правительство? Генерал Гордон, старший из иностранных офицеров, пытаясь избежать вмешательства в распрю между братом и сестрой, еще в самом начале конфликта заявил, что ни один из его офицеров не сдвинется с места без приказа от обоих царей. Теперь же распоряжение Петра толкало Гордона принять одну из сторон. Даже если бы это ему ничем не угрожало, Гордон был бы в затруднении перед таким выбором: он любил Петра и нередко помогал ему в потешных стрельбах и фейерверках, но еще ближе ему был Голицын, с которым он много лет трудился бок о бок, реформируя русскую армию, и которого сопровождал в двух неудачных крымских кампаниях. Поэтому, когда письмо Петра распечатали и прочли в присутствии всех старших иностранных офицеров, первым побуждением Гордона было доложить о распоряжении Петра Голицыну и просить его совета. Голицын опечалился и сказал, что немедленно обсудит дело с Софьей и Иваном. Гордон напомнил Голицыну, что иностранцы безо всякой вины рискуют головой, стоит им сделать неверное движение. Голицын все понял и обещал дать ответ к вечеру. Он попросил Гордона прислать во дворец его зятя за ответом правительницы.

Однако Гордон, видя, что Голицын растерян, принял собственное решение. Если фаворит правительницы, Царственные Большие печати сберегатель, главнокомандующий не может самостоятельно отдать приказа, значит московский режим на грани крушения. Гордон оседлал коня и сказал своим офицерам, что какие бы распоряжения ни последовали из Кремля, он намерен ехать к Троице. Той же ночью длинная кавалькада иностранных офицеров выехала из столицы и на заре до-

170

стигла монастыря. Петр встал с постели, чтобы приветствовать их и допустить к руке.

Отъезд иностранцев был, как сам Гордон записал в дневнике, «решительным переломом». Оставшиеся в Москве стрельцы поняли, что Петр победил. Пытаясь спасти себя, они столпились перед дворцом и требовали выдачи Шакловитого, чтобы забрать его в Троицу и передать Петру. Софья отказалась, и тогда стрельцы закричали: «Лучше сразу кончай с этим делом! Если ты его не выщашь, мы ударим в набат!»⁵ Софья знала, что это означает: очередной бунт озверевших солдат, избиение всех, кого они сочтут предателями. В этой бойне может погибнуть всякий — даже она сама! Софья была сломлена. Она посылала за Шакловитым, который, как семь лет назад Иван Нарышкин, прятался в домовой церкви. Вся в слезах, она передала его стрельцам, и той же ночью в цепях Шакловитого доставили в Троицу. Борьба завершилась, регентству пришел конец, Петр победил. За победой настал час возмездия. Скоро первые удары пали на Шакловитого. В Троице его допрашивали под пыткой. После пятнадцатого удара кнутом он признался, что подумывал об убийстве Петра и его матери, Натальи, но отрицал существование каких-либо определенных планов. Своими признаниями он полностью снял подозрения с Василия Голицына в том, что тот был осведомлен о его действиях или в них участвовал. Сам Голицын тоже уже находился в Троицком монастыре. Тем утром, когда привезли Шакловитого, Голицын добровольно подъехал к стенам монастыря и просил позволения войти и поклониться царю Петру. В просьбе ему отказали и велели ждать в деревне, пока решат, что с ним делать. Петру и его сторонникам непросто было определить, как поступить с Голицыном. С одной стороны, он был первым министром Софьи, военачальником и любовником все семь лет ее регентства, а потому следовало бы его растоптать вместе с иными ее близкими советчиками. С другой стороны, все признавали, что Голицын принял

171

службу с честными намерениями, даже если ему не всегда удавалось их осуществить. Шакловитый утверждал, что Голицын не участвовал ни в каких заговорах. Важнее же всего было то, что он принадлежал к одному из самых славных русских родов, и его двоюродный брат, князь Борис Голицын, стремился уберечь семью от позорного 'обвинения в предательстве.

Пытаясь спасти Василия, Борис Голицын рискнул навлечь на себя гнев царицы Натальи и окружения Петра. Был даже момент, когда ему пригрозили притянуть его к ответу заодно с двоюродным братцем. Это случилось, когда Шакловитый написал признание на девяти

страницах в присутствии Бориса Голицына. Он кончил писать после полуночи, когда Петр уже лег спать, и Голицын взял признание Шакловитого к себе в комнату, чтобы наутро передать Петру. Но кто-то поспешил разбудить царя и донести: Борис Голицын унес признание к себе — конечно же, с намерением изъять из него все, что может повредить его брату. Петр немедленно послал спросить у Шакловитого, писал ли он признание, и если да, то где оно. Шакловитый отвечал, что отдал его князю Борису Голицыну. К счастью, кто-то из друзей предупредил Голицына, что Петр проснулся, и князь поспешил представить царю документ. Петр строго спросил, отчего бумаги не передали ему сразу. Когда Голицын ответил, что было поздно и он не хотел будить государя, Петр принял это объяснение и на основании показаний Шакловитого решил сохранить жизнь Василию Голицыну*.

Утром 9 сентября Василия Голицына вызвали к Петру. Полагая увидеть царя лично, он приготовил записку, в которой, предваряя просьбу о помиловании, перечислял все свои заслуги перед государством. Но царь его не принял. Голицын покорно стоял в толпе у крыльца

* Это не более чем легенда. Петр действовал по принципу: «Брат — мой, а ум — свой». Борис Голицын был сторонником Петра, и сомнений в его верности не было. — *Ред.*

172

царских палат, пока на лестнице не появился думный дьяк и не огласил царский приговор. Князя обвинили в том, что он держал отчет только перед регентшей, а не перед государями, что в официальных документах писал имя Софьи «в царском титуле», и в причинении ущерба и тягот правительству и народу своим негодным командованием в двух крымских походах. Жизнь ему сохранили, но приговор был суров: он лишился боярского чина, всего имущества и высылался с семьей в заполярное селение. И Голицын тронулся в путь — жалкий и нищий. В дороге его подбодрило появление Софьиного посланца, который передал ему кошелек с деньгами и обещание добиться его освобождения при посредничестве царя Ивана. Это, пожалуй, была последняя хорошая новость для Голицына. Вскоре Софья лишилась возможности помочь кому бы то ни было, даже самой себе, и для Голицына, светского красавца с блестящими манерами, началась двадцатипятилетняя ссылка. Летом 1689 года, когда пала Софья, ему было около сорока шести лет, и до самой смерти в 1714 году, в возрасте семидесяти одного года, он влачил жалкое существование на Севере. Какая ирония судьбы в том, что человек на редкость передовых для тогдашней России взглядов, который мог бы принести Петру столько пользы в его усилиях модернизировать государство, очутился в партии противников царя, все потерял при смене власти и был обречен просидеть большую часть царствования великого реформатора в избе за Полярным кругом. Не менее курьезно то, что к Петру примкнули московские бояре, ненавидевшие Голицына. Они-то думали что, помогая Петру свергнуть Софью и Голицына, спасают себя от западной заразы. На Деле же они своими руками убрали главные препятствия на пути величайшего западника в русской истории.

Как ни жалок был конец Голицына, участь его оказалась легче судьбы других приближенных Софьи. Хотя,

173

как сообщает Гордон, Петр не хотел для своих противников самых суровых наказаний, его окружение, и особенно патриарх, настаивали на этом. Шакловитого приговаривали к смерти, и на пятый день после прибытия в Троицу его обезглавили у подножия могучей монастырской стены. Еще двое сообщников были казнены вместе с ним. Трех стрельцов били кнутом и, урезав им языки, сослали в Сибирь. Сильвестр Медведев бежал из Москвы в надежде найти убежище в Польше, но его перехватили, доставили в Троицу, допросили под пыткой. Он признал, что слышал неопределенные угрозы в адрес некоторых сторонников Петра и что написал достойные осуждения хвалебные стихи под Софьиным портретом, но отрицал свою причастность к какому-либо заговору против царя или патриарха. Его оставили в заключении, затем вновь обвинили, страшно пытали огнем и раскаленным железом и наконец через два года казнили.

Приверженцы Софьи были сокрушены, но оставалась главная проблема — что делать с самой Софьей? Одна, без друзей, она ожидала в Кремле решения своей судьбы. Под пыткой Шакловитый ни одним словом не указал на причастность Софьи к заговору с целью сместить

Петра с престола, а тем более убить. Против нее можно было сказать только, что она знала о замышлявшихся покушениях на некоторых членов партии Петра и имела поползновения властвовать наравне с братьями — по праву рождения, как монархиня, а не на временных основаниях, как регентша. Впрочем, Петру этого было достаточно. Он написал из Троицы письмо к Ивану — жаловался на Софью и предлагал в дальнейшем править государством вдвоем. В письме подчеркивалось, что при коронации царская власть была возложена на них двоих, а не на троих, и что участие сестры Софьи в правлении и ее претензии на равенство с двумя помазанниками Божьими были нарушением воли Всевышнего и их царских прав. Петр настаивал на совместном царствовании без ненужного вмешательства «третьего

174

ззорного лица». Он просил разрешения назначать новых чиновников, не испрашивая согласия Ивана в каждом отдельном случае, и заканчивал утверждением, что брат для него по-прежнему остается во всех отношениях старшим: «А я тебя, государя брата, яко отца почитать готов».

Иван беспрекословно согласился. Издали приказ об исключении имени Софьи из всех официальных документов. Вскоре в Кремль приехал посланец Петра, князь Иван Троекуров, и предложил царю Ивану потребовать, чтобы Софья покинула Кремль и перебралась в Новодевичий монастырь на окраине города. На том, чтобы Софья постриглась в монахини не настаивали; ей предоставлялись уютные, хорошо обставленные покои, с нею отпускали множество прислуги, так что ее ожидала жизнь безбедная и бесхлопотная. Ограничения состояли лишь в том, что ей не разрешалось покидать монастырь, а навещать Софью могли только ее тетки и сестры. Но для Софьи любое, пусть самое роскошное, заключение означало конец всему, что было для нее важно. Власть, деятельность, азарт, игра ума, любовь будут вырваны из ее жизни. Она сопротивлялась и больше недели отказывалась выехать из Кремлевского дворца, но нажим стал слишком силен, и ее со всеми церемониями препроводили в монастырь, в стенах которого ей предстояло прожить оставшиеся пятнадцать лет.

Петр не желал возвращаться в Москву, пока Софья не удалилась из Кремля. Когда же сестра была надежно изолирована, он выехал из Троицкого монастыря, но в пути задержался на неделю, которую провел с генералом Гордоном, устроившим маневры пехоты и кавалерии перед очами государя. Наконец, 16 октября, Петр въехал в столицу по дороге, вдоль которой стрельцы всех полков стояли на коленях в знак мольбы о помиловании. В Кремле царь направился в Успенский собор обнять брата Ивана, а затем, облаченный в царские одежды, появился на Красном крыльце. Впервые этот высокий, круг-

175

лолицы, темноглазый юноша стоял здесь как хозяин Российского государства.

Так пала Софья — первая женщина, властвовавшая в Москве. Заслуги ее как правительницы часто преувеличивают. Князь Борис Куракин погрешил против истины, сказав: «Никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И все ее государство пришло во время ее правления, чрез семь лет, в цвет великого богатства»⁷. Вместе с тем, она не была, как ее рисуют некоторые поклонники Петра, просто-напросто последней правительницей старого покроя, реакционным камнем преткновения, загромождавшим тропу русской истории, прежде чем она превратилась в новую, гладкую и широкую перспективу петровской эпохи. Правда заключается в том, что Софья, наделенная всеми необходимыми качествами, правила в целом успешно. Те семь лет, что она руководила государством, пришлись на переходный период русской истории. Два царя, Алексей и Федор начали проводить в российской политике умеренные изменения и реформы. Софья не замедлила и не ускорила этого процесса, но позволила ему продолжаться и тем самым помогла подготовить почву для деятельности Петра. В свете того, что было начато при Алексее и продолжалось при Федоре и Софье, даже разительные петровские преобразования приобретают скорее эволюционный, чем революционный характер.

Софья была не столько выдающейся русской правительницей, сколько выдающейся русской женщиной. Веками русские женщины, низведенные до положения бессловесной домашней утвари, прятались в сумраке теремных покоев. Софья вышла на дневной свет и захватила бразды государственного правления. Плохо ли, хорошо ли она правила — сам факт, что она, в ее эпоху, сумела взять власть, уже обеспечивает ей место в истории. К несчастью, то, что

Софья родилась женщиной, не только

176

выделяло ее незаурядность, но в конце концов и погубило. Когда уже в царствование Петра наступил критический момент, москвичи все-таки не пошли за женщиной против законного государя.

Петр поместил Софью в Новодевичий, и ворота монастыря навсегда закрылись за ней. Но в следующем столетии роль женщин царского рода в России изменилась. Четыре монархини сменили Петра на престоле. Между теремными затворницами XVII века и этими полными жизни и энергии императрицами XVIII века — огромное расстояние. И большую часть этого пути в одиночку прошла регентша Софья. Сделанная из того же теста, что и эти императрицы, наделенная той же целеустремленностью и властолюбием, именно она указала им путь и проложила дорогу.

Сам Петр много лет спустя после ее свержения описывал Софью одному иностранцу как «принцессу, которую можно было бы считать как в телесном, так и в умственном отношении совершенством, если бы не ее безграничное честолюбие и ненасытная жажда власти»^{*1}. За сорок два года царствования Петра только один человек в России оспаривал его право на престол — Софья. Дважды, в 1682 и в 1689 году, она мерялась с ним силами. Во время третьего и последнего посягательства на всемогущество Петра, стрелецкого восстания 1698 года, единственным противником, которого царь опасался, была Софья. К этому времени она провела в монастырском заточении девять лет, но Петр немедленно заподозрил, что за восстанием стоит именно она. Он считал ее единственным человеком, у кого достало бы силы мечтать о его свержении.

Да, Софья: умела внушить страх Петру, имела дерзость бросить ему вызов и обладала силой духа, тревожащей его даже из-за стен монастыря. Но стоит ли удивляться? В конце концов, она была его сестра.